

II

А. Е. Аникин
Новосибирск

К уточнению балтийского вклада в русскую лексику. II («ложные» и спорные балтизмы в восточнославянских языках)¹

Настоящая публикация посвящена активно разрабатываемой в научной литературе теме балтизмов в славянских языках, точнее – теме лексики, отнесение которой к балтизмам ошибочно или недостаточно обоснованно. Данная проблематика уже затрагивалась в предшествующих публикациях автора².

Автор вполне разделяет мнение (сложившееся в рамках определенной концепции славянского глоттогенеза), согласно которому «в русских говорах балтизмы, строго говоря, не являются заимствованиями... они не нововведение, а архаизм...»³. Признавая относительность различий между балтизмами и собственно русскими словами исконно русского происхождения, следует все же подчеркнуть, что часть фактов, фигурирующих в «Словаре балтизмов в славянских языках» Ю. А. Лаучюте и ряде других работ, посвященных балтизмам в славянской лексике, не могут быть признаны таковыми независимо от понимания термина «балтизм». Выявление подобного рода фактов составляет важный компонент подготовки новой редакции СБ, которая представляется актуальной задачей славянского языкознания. При решении этой задачи следовало бы по возможности устранить основной недостаток работ по балтизмам в русской и славянской лексике, заключающийся в концентрации внимания исследователей на лексическом сравнении в пределах балто-славянского пограничья при слабом учете (обще)славянского фона и, шире, «небалтийских», в том числе неиндоевропейских, ресурсов этимологизации.

Рамки настоящей публикации позволяют рассмотреть в ней далеко не все русские (и другие восточнославянские) слова, трактовка которых как балтизмов может быть оспорена.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 02–04–00152а.

² Аникин А. Е. Заметки о балтизмах // Tarptautinė K. Būgos konferencija. Vilnius, 2001. S. 8–10; Он же. К уточнению балтийского вклада в русской лексике. I // Русская диалектная этимология: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 22–24 октября 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 30–32. Ср.: *Urbutis V. Slavų kalbų pseudobaltizmai* // *Baltistica*. 1984. 20 (1). S. 30–39 (далее *Urbutis*).

³ *Топоров В. Н.* Из истории балто-славянских языковых связей: *анчутка* // *Baltistica*. 1973. 18 (1). S. 30.

1. Сиб. *бундечка* 'звонок на шее животного' с сомнением («может быть») отнесено к обширной семье несомненных балтизмов типа белор. диал. *бóнда* 'печеный хлеб', ср. лит. *bandà* 'стадо, скот', 'буханка' и др. [СБ, 9–10]. Однако сибирское слово и фонетически, и семантически отклоняется от подобных балтизмов. Речь идет, по-видимому, о собственнорусском образовании с тем же корнем, что в рус. диал. *бунеть* 'глухо звучать; производить шум, стук' или *бунчать* 'звучать, гудеть, жужжать' [ЭССЯ 2, 233; 3, 96]. Исходно, может быть, *бундеть вместо *бунеть* (по аналогии с *гундеть*?). Следует иметь в виду также ворон. *брундеть* 'звенеть, гудеть и т. п.' [ЭССЯ 3, 69].

2. Белор. диал. *гэгнуць, гэгнуты* 'умереть' толкуется в СБ [С. 102] как субстратный балтизм, связанный с лит. *gedėti* 'носить траур, жалеть (об умершем)' и др., в пользу чего будто бы свидетельствуют «ареал и фонетический облик слова». Для опровержения этих доводов достаточно указать на рус. (жаргонно-просторечное) *гикнуться* и укр. *гiгнути, гэгнути* (г в украинских словах взрывное) 'умереть, слохнуть' [ЕСУМ 1, 504]. Хотя этимология этих арготизмов неясна (возможно, звукоподражания; ср. иначе: Там же), очевидно, что они не имеют никакого отношения ни к лит. *gedėti*, ни к балтизмам вообще.

3. Брян. *грэбовать* 'испытывать отвращение, брезговать' наряду с белор. (Е. Карский) *гербоваць* 'то же' рассматриваются как заимствования из лит. *gerbti* 'почитать, хвалить' [СБ, 140; Батожок, 35], в связи с чем упоминаются доводы Е. Карского в пользу возможности заимствования слов с противоположным значением⁴. Привлечение более полного славянского материала, в частности пск., юж.-рус. и др. *грéбать, укр. грéбати* 'брезгать, пренебрегать', делает эти доводы, а с ними и балтийскую этимологию рус. *грéбовать*, белор. *гербоваць* излишними. Данные слова являются дериватами от рус. *грéбать* 'брезговать', 'сгребать', белор. *грэбаць* 'грести, копать' [ЭССЯ 7, 108–109]. Исходное для последних праслав. *grebati / *grėbati 'копаться, рыться' имеет балтийские параллели, но не лит. *gerbti*, а *grėbti* 'грести (граблями)', лтш. *grebti* 'рыть' [ЭССЯ 7, 110].

4. Брян. *кáвкать* 'мяукать' (*кошки кавкают*), белор. диал. *каўкаць* 'мяукать (пронзительно)', 'подавать голос (о человеке)' рассматриваются как усвоенные из лит. *kaukti* 'кричать диким голосом, выть, плакать', лтш. *kaukt* 'выть, кричать' [СБ, 113; Батожок, 35; Zinkevičius, 273], что, однако, сомнительно ввиду весьма вероятной связи русского и белорусского слов с словен. *kávkatí* 'кричать', белор. *кеўкаць* 'мяукать', с.-хорв.

⁴ Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим языкам М. 1911. С. 391.

кѣвкати 'ляять' и т. п. звукоподражательных слов' явно исконно славянского происхождения. К ряду этих слов может принадлежать и белор. диал. *к'яўкаць* 'мяукать', которое сравнивается с лит. *kiąukti* 'тявкать, лаять тонким голосом' [Zinkevičius, 273].

Неприемлема попытка истолковать как вариант упомянутого *кáвкати* брян. *гáвкати* 'издавать громкие отрывистые звуки', 'громко петь', 'говорить, рассказывать; кричать жалобно, пронзительно мяукать' [Батожок, 35]. Последнее явно идентично литер. *гáвкати*, которое возникло на основе междометия *гав-гав!* Предполагается праслав. **(g)av*, **(g)ai* и соответственно **(g)avkati*, **(g)aukati*, обоснованно отделяемые [SP 7, 68–69] от **gavati* 'обманывать', **gava* 'ворона' [Ср. ЭССЯ 6, 110] и рус. *гóвор* [Фасмер 1, 379]. Для форм типа *кáвкати* следует предполагать исходные междометия наподобие брян. *кау: кошки – кау, а собаки – гау* [Батожок, 35].

5. Смол. *кúпоть* (*кúпти*, *кúпти* мн. ч.) 'ноготь' [СОС, 321, 330] исторически тождественно белор. *кúпець* 'коготь', диал. *кúпці* 'зубы, зубки' и сходным белорусским фактам, в которых усматриваются заимствования из литовского источника, связанного с *kibti* 'цепляться, хвататься' [СБ, 114]⁶. Однако указанные славянские факты не могут быть отделены от слов. *купеі* 'кулья, пень', укр. *кúкить*, *кúкоть* 'остаток отрезанного пальца, руки, ноги, а также недоразвитая рука, нога' и т. п. < праслав. **кукить* / **кукоть* / **кукьть*, что указывает на «вторичную диссимиляцию» *k-k > k-p* в рус. *кúпоть* и т. п. [ЭССЯ 13, 260–261]. Никакой связи с лит. *kibti* у рассматриваемых славянских фактов нет.

6. Рус. (Литва) *колдунѝ* 'пельмени', польск. *kolduny litewskie* 'еда вроде пельменей' Ю. А. Лаучюте вслед за Е. З. Марченко рассматривает как усвоенные из лит. *koldūnai* 'пельмени' [СБ, 58]. Этому решению способствовало, возможно, выражение *kolduny litewskie*, букв. 'литовские «колдуны» (блюдо)', которое, однако, не должно вводить в заблуждение. Рассматриваемое слово находит параллели далеко за пределами обычного ареала балтизмов, ср. чеш. *kaldoun* 'гусиние потроха', н.-луж. *kalduny* 'внутренности' и др. Правильная этимология этих фактов хорошо известна: из ср.-в.-нем. *kaldūne* 'требуха' [См. подробнее: Фасмер 2, 288; ЕСУМ 2, 508]. Литовский кулинарный термин *kaldūnas* (цитируемый Ю. А. Лаучюте вариант *koldūnai* мн. ч. от *kaldūnas* известен только в письменном языке) имеет славянское происхождение [Urbutis, 34].

⁵ Куркина Л. В. Рец. на кн.: Slawistyczne studia językoznawcze. Wrocław etc., 1987. S. 190 (вслед за Н. И. Толстым).

⁶ В. Урбутис расценил это объяснение как сомнительное, см.: *Urbutis V*. Рец. на: Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982 // *Baltistica*. 1982. 18 (1). S. 186.

7. Белор. (диал.) *krátaць* 'трогать, двигать', 'ворочать', 'трясти, бить, колотить', *krátaць*, *krjátыць* 'накладывать, наваливать', *krátaцца* 'двигаться (с места)', ст.-белор. (1586 г.) *krataty* 'трогать', согласно А. А. Вержбовскому и Ю. А. Лаучюте, являются балтизмами и сравниваются с лит. *kratyti* 'трясти' [СБ, 68; Zinkevičius, 273]. Правильная этимология белорусских слов легко проясняется при сравнении с новг., пск., олон. и др. *krjátatъ* 'сдвигать с места, перемешать, двигать; трогать с места (о лошади, повозке)' [См. подробнее: СРНГ 15, 370–371], польск. *krzątać się* 'вертеться, суетиться', укр. диал. *kr'átati* 'поворачивать, оборвать' и др. [ЭССЯ 12, 145]. Белор. *krátati* восходит к **kr'atati* < праслав. *krētati и не имеет ничего общего с *kratyti*.

8. Рус. (Прибалтика) *мелен* 'рукоять у жерновов' и белор. диал. *mélin*, *mélin* 'лопатка, палка для вращения ручных жерновов' расценены как балтизмы, связанные с лтш. *miļens*, лит. *milinys* 'рукоять у жерновов' (А. А. Вержбовский; Э. Блесе, Ю. А. Лаучюте, см.: СБ, 55). Нет сомнений, однако, что славянские факты (к ним следует добавить др.-рус. *мельнь* 'мельница, мельничное устройство с ручным жерновом' и др.) продолжают праслав. *melnъ или *meleть [ЭССЯ 18, 89]. Указанные балтийские слова родственны славянским.

9. Белор. диал. *набрінять* 'разбухать', согласно А. А. Вержбовскому и Ю. А. Лаучюте, следует квалифицировать как балтизм, связанный с лит. *brinkti* 'то же' [СБ, 63]. Это решение не учитывает зап.-рус. *набрыньеть* 'разбухнуть, налиться после цветения' [СРНГ 19, 136] и бесприставочных фактов, предполагающих праслав. **br̥nēti* 'разбухать' = **br̥nēti* 'звенеть, жужжать, шуметь' [SP 1, 408]. Связь с лит. *brinkti* у данных фактов есть, но генетическая. Особенно близко к *brinkti* праслав. **br̥knōti* 'набухать, пропитываться влагой' [ЭССЯ 3, 23], ср. юж.-рус. *на-брякнуть* 'опухнуть, отечь, раздуться' и др. [СРНГ 19, 136].

10. Белор. *начоўка*, *нечоўка* 'корыто' не может происходить (вопреки Э. Гринавецкене и др., см.: [СБ, 146]) из лит. *načočià*, *niekočià* 'то же', поскольку бесспорно продолжает праслав. **ть/ьktjьку* [ЭССЯ 26, 51–52]. Связь между белорусским и литовским словами, несмотря на их значительное сходство, отсутствует.

11. Белор. диал. *пашына* 'хворост, которым устилается дорога в низких местах', 'подмостки под стог', 'хворост, которым накрывают лен при мочении' истолковано как «древний балтизм», усвоенный из источника типа лит. *pašinà*, *pašinas* 'кулек хвороста, подкладываемый в лужу, топкое место, чтобы можно было проехать', *pašinà* 'куль хвороста, под-

⁷ См. также: Аникин А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии: Мат-лы для балто-славянского словаря. Новосибирск. 1998. Вып. 1 (*a- - *go-). С. 81.

стилаемый под стог'. якобы от *pěšti* 'драть, дергать, шипать' [СБ, 123–124]. Однако белорусское слово, как и петерб. *пашіна* 'хворост', арх., влг., ворон., дон. *пашіна* 'связка хвороста, камыша' [См. подробнее: СРНГ 25, 305]? является не более чем результатом адаптации (с устранением *ф-*) слова *фашіна* = рус. (с эпохи Петра I) *фашіна* 'связка хвороста, камыша для укрепления плотин, дорог по болоту и проч.' < нем. *Faschine* (в восточнославянском, вероятно, через посредство польск. *faszyna*) < итал. *fascina* [Фасмер 4, 188; Urbutis, 37]. Не исключены, правда, спорадические обратные заимствования из литовского в белорусские говоры. Лит. *pašinà, pasinas* 'фашина' являются славизмами и могут быть связаны с *pěšti* лишь на уровне народной этимологии.

12. Юж.-рус., зап.-рус. *потурать* 'потакать, поблажать', укр. *потурати*, белор. *патурáць* 'потакать, соглашаться, не препятствовать вредным привычкам' объяснены как балтизмы, происходящие из источника, связанного с лит. *pri-turėti* 'придержать, придерживать', лтш. *uzturēt* 'поддержать, содержать' [ЭСБМ 8, 270]. Это сомнительное и с фонетической и семантической сторон объяснение полностью опровергается очевидной славянской этимологией восточнославянских слов. Рус. *потурать* и др. родственно рус. литер. *потворствовать*, причем апофонические отношения этих синонимов такие же, как между лит. *tvėrti* 'хватать, брать' и *turėti* 'иметь'⁸.

13. Рус. (Прибалтика) *сикляха, стикляха* 'муравей' наряду с белор. *сіклякі* 'маленькие красные муравьи' и рус. (верховья Оки) *сікла*, калин. *сикля* 'уклейка' истолкованы как заимствования из балтийского источника типа лтш. *sīks* 'маленький, мелкий' [СБ, 131]. Мотивировкой данной этимологии служит указание на «маленький размер» муравьев и уклейки [Там же]. Обращение к диалектным данным демонстрирует, что дело отнюдь не в размере. Муравьи действительно мелкие, но они обладают более важным свойством – способностью к секреции, выпускаю муравьиной кислоты, что и является признаком, лежащим в основе наименований *сикляха* (*стикляха* с вторичным *-т-*) и сходных наподобие новг. *сика́ха, сика́ча, сика́ш, сика́шка, сика́ши*, ср.: *сикаши... выпускают жидкость, от которой чешется тело; с этих сикашей масло... сикашечное масло из их* [НОС 10, 56]. Эти названия, подобно рус. прост. *сикара́шка*, образованы от *сика́ть*, на что уже указывал О. Н. Трубачев в дополнении к словарю М. Фасмера [Фасмер 4, 856]⁹.

⁸ Куркина Л. В. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на *-и-* // Этимология. 1971. М., 1973. С. 78.

⁹ Те же соображения были высказаны О. Н. Трубачевым в его выступлении по докладу Ю. А. Лаучюте на Международном симпозиуме по славянской этимологии, лексикологии и лексикографии в Москве (май 1984 г.).

Ср. также рус. диал. *сіка* 'тот, кто мочится', а также новг. *ссюн. сся-кота, ссякуш* 'муравей' [НОС 10, 145] от *ссать* < *сцать* < *сьсати.

С указанными фактами следует связывать и пск. *сиктяшник* 'муравейник', расцененное М. Фасмером как неясное наряду с дон. *сікля* 'какая-то маленькая рыбка' [Фасмер 3, 620]. География последнего слова, упущенного Ю. А. Лаучюте, свидетельствует против балтийской этимологии упомянутых выше рус. диал. *сікла, сикля* 'уклейка', к которым следует добавить новг. *сикáв(к)а* 'мелкая рыбешка', сингулятив *сикáвина* [НОС 10, 54], вероятно, и рус. (Причерноморье) *сик, сиковка, сиколка* 'подкаменный голец' [Даль² 4, 184].

14. Рус. (новг., олон., Прибалтика) *скáнец* 'лепешка с творогом' (= новг. *скáнец* 'тонкая лепешка из пресного или кислого теста, испеченная перед огнем, свернутая пополам и начиненная творогом, картофелем и др.' [НОС 10, 66]), не раз фигурировавшее в литературе о балтизмах и сравнивавшееся с лит. *skanėsis* 'лакомство, деликатес', *skanūs* 'вкусный, лакомый' [СБ, 131; Zinkevičius, 266], прекрасно этимологизируется на русской почве: от *скáный* (= новг. *скáный* 'соединенный из двух нитей в одну' [НОС 10, 66]), пассивного причастия к *с(ъ)кать, с(ъ)ку* 'сучить, раскатывать (тесто, нитки)'. Ср. болг. *бáница* 'слоеный пирог с сыром и проч.' < праслав. *гъбанѣса от *гъбати 'сгибать' [ЭССЯ 7, 187].

15. Белор. диал. *смóргать* 'чесать на гребне', *смóргаца* 'разорваться, протираться', согласно Э. Блесе и Ю. А. Лаучюте, являются балтизмами, связанными с лтш. *smurgatiēs* 'пачкаться, грязниться' [СБ, 72]. В действительности, однако, речь идет о генетически родственных словах. Белор. *смóргать* правильно продолжает праслав. *smǔrgati – как и белор. *смóргаць* 'часто шмыгать носом', рус. диал. *сморгáть* 'сморгаться', 'очищать прут от листьев, веревку от костры' [Фасмер 3, 691].

Н. В. Кабинина
Екатеринбург

Об этимологических истоках русского диалектного *ижора*¹⁰

Русское диалектное *ижора* как имя нарицательное зафиксировано в трех деревнях Мезенского района Архангельской области и представлено только в материалах КСГРС в значениях 'отходы от обработки льна или конопли', 'двойная нить, свитая из льняной (конопляной) пеньки и шерсти'. По свидетельствам информантов, из *ижоры* вязались рабочие рукавицы и полотно сетей – *неводно́*. Последнее обстоятельство позво-

¹⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования РФ (грант Г02-1.6-111).